
русский
пионер
№7(49) октябрь 2014
литературный иллюстрированный журнал
ISSN 2071-3037
ДЕТЯМ ДО 16-ТИ МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО

Клятва главного редактора *стр. 4*

первая четверть

Прогул уроков. Это не Я, это Он. **Константин Богомолов** о пределе мечтаний *стр. 14*
Урок труда. Я начинаю действовать. **Евгений Плющенко** о своих олимпийских планах *стр. 18*
Урок уроков. Субъекты мечтаний. **Андрей Макаревич** о том, во что превращаются мечты *стр. 20*
Урок правды. Взмечтательность. **Вера Полозкова** о том, как она замечталась *стр. 22*
Сбор металлолома. Брус и «Беларусь». **Екатерина Истомина** о своем соседе-майоре с трактором *стр. 26*
Урок информатики. Мечты. Рабочая версия. **Илья Сачков** с ограниченным списком мечтаний *стр. 30*

вторая четверть

Пионер-герой. Майор на колокольне. Обозреватель «РП» в музыкальной обстановке *стр. 36*
Следопыт. Прощайте, Джек, Уильям и др. Наш корреспондент подводит итоги рубрики *стр. 44*

третья четверть

Диктант. Замечтавшие. В тему номера *стр. 54*
Дневник наблюдений. Бабьим летом в Ухимске. Обозреватель «РП» представляет действующего таксиста *стр. 56*
Урок поэзии. Живя, как все, в моральной пустоте, Орлуша размечтался о мечте. Стихи **Андрея Орлова (Орлуши)** *стр. 64*
Сочинение. Однополосное шоссе. Отрывок из романа **Елены Жихаревой** *стр. 68*
Комикс **Андрея Бильжо** *стр. 77*

четвертая четверть

Урок мужества. Разостекленение Авдотьи. Обозреватель «РП» спешит на помощь *стр. 82*
Урок географии. Лежи, брат, спокойно. **Александр Зильберт** едет на поезде в Москву *стр. 86*
Галерея. Воспоминание о будущем. Открытки из 1914 года *стр. 91*

группа продленного дня

Правофланговый. Мне и не снилось. **Андрей Шаронов** мечтает о неосуществимом *стр. 102*
Правофланговая. Пока я — муравей. **Алена Бабенко** о мечте и вере *стр. 104*
Правофланговый. Поверь в мечту. **Рубен Варданян** о мечте, которая не каждому подойдет *стр. 108*

Запевала. Мечта номер три. **Алена Свиридова** про то, что сбылось и сбудется *стр. 110*
Звеньевой. Что делать. **Дмитрий Чернышенко** о мечте, которая сбылась *стр. 114*
Знаменосец. Невероятный подъем. **Марк Гарбер** о воздухоплавании *стр. 116*
Подшефные. Одна на троих. **Катя и Волга Король** о том, как мечтать по очереди и вместе *стр. 118*
Пионервожатый. Не женщины мне снятся, а Гавайи. **Виктор Ерофеев** о царских мечтах *стр. 120*
Завуч. Жизнь мечтателя. **Андрей Бильжо** о том, что всему свое время *стр. 122*
Пионервожатая. Отдышина. **Елена Смирнова** о чистом воздухе *стр. 124*
Звеньевая. Промечтавшаяся. **Елена Лисицына** о предназначении мечты *стр. 126*
Завхоз. Размечтавшийся. **Александр Зильберт** о нескольких рабочих днях в седле KIA Quoris *стр. 128*
Горнист/Энотека. Сухость во фьордах. **Вита Буйвид** о безалкогольной Норвегии *стр. 132*

Всегда готово. Лондон в кляре. **Николай Фохт** на конкурсе барменов *стр. 136*
Списано с ruspioner.ru *стр. 142*
Внеклассное чтение. Дорогая редакция. Отрывок из сценария **Маргариты Симоньян** *стр. 148*
Урок правды шеф-редактора. Подведение итогов *стр. 159*

Первая четверть.

Прогул уроков. Это не Я, это Он. **Константин Богомолов** о пределе мечтаний. *Урок труда.* Я начинаю действовать. **Евгений Плющенко** о своих олимпийских планах. *Урок уроков.* Субъекты мечтаний. **Андрей Макаревич** о том, во что превращаются мечты. *Урок правды.* Взмечтательность. **Вера Полозкова** о том, как она замечталась. *Сбор металлолома.* Брус и «Беларусь». **Екатерина Истомина** о своем соседе-майоре с трактором. *Урок информатики.* Мечты. Рабочая версия. **Илья Сачков** с ограниченным списком мечтаний.

риа-новости

Это не Я, это Он

Константин Богомолов признается читателю, что он мечтает вернуться туда, где он вернет себя. Того, который боялся людей. Стеснялся. Стыдился. Робел. Того, кто думал о Вселенной и читал книги.

текст: константин богомолов

Надо писать о мечтах.
Начнем сначала.
В детстве не мечтал — планировал.
То есть мечта была целью.
Стать тем-то, достичь того-то, заработать столько-то.
Все казалось «г…-вопрос».
Больше про детские мечты сказать нечего.
Идем дальше. То есть переходим в сейчас.
Сейчас мечтаю много и разнообразно.
Но не одухотворенно.
Без фанатизма. И без всяких надежд на воплощение.
Ибо жизнь учит, что нет ничего хуже, чем воплощение.
Мечтаю поехать, пойти, побывать, побыть. Мечтаю остаться.
Очень мечтаю отдохнуть.
Эта мечта особенна и постоянна.
Еще мечтаю снова играть в теннис.
Тоже никак не получается.
Не получается именно оттого, что мечтаю.
Не мечтал бы — сделал бы. Но нет.
Это моя мечта. Я ее ношу, как носит шарфик Никита Михалков.
В разговорах так и формулирую: играл когда-то, профессионально занимался, потом бросил, но мечтаю снова. И делаю умильное лицо. Это трогает, немного интригует. И т.д.
Отсюда вывод: некоторые мечты имеют вполне прикладное значение.
Их можно демонстрировать. Ими можно кокетничать.
Они как духи. Прыснулся и пахнешь.
И тебе самоощущение, и людям любопытно.
Что еще?
Мечтаю иногда о вещах. Это очень страстные мечты.
Они как голод. Как пустой желудок.
Вдруг страшно хочется чего-то.
И пока не съешь — нет покоя.
Иногда хочется съесть шмотку, иногда гаджет, иногда машину, иногда человека.
Но это не мечты. Это желания. Оставим их.
Вот вроде бы и все, что я могу поведать по теме.
Не могу сказать, что мечтаю о мире во всем мире.
О победе добра над злом тоже не думаю. Мне как-то все равно.
Не мечтаю и о том, чтобы дети во всем мире были счастливы.
Думаю только о своей, если честно.
Не мечтаю и о вечной жизни себе или кому-то.
В конечности больше смысла.

Сейчас мечтаю много и разнообразно. Но не одухотворенно. Без фанатизма. И без всяких надежд на воплощение.

А уж в недоговоренности — бездна.
Оттого и внезапная смерть лучше ожидаемой.
Но это ведь иная тема, верно?
Серьезная.
А я, начиная писать колонку, не собирался писать ее всерьез.
Но мы всегда делаем ровно обратное тому, что собирались сделать.
Поэтому сейчас — смертельный номер. Сейчас серьезно.
Или почти серьезно.
Попытка исповеди на заданную тему.
Да, у меня есть мечта. Настоящая. Большая. Взрослая мечта.
Я мечтаю быть собой.
То есть — писать тексты.
Просто писать тексты-буквы-слова.
И ничем другим не заниматься.
Иметь много денег и писать.
Или получать много денег за то, что просто пишешь. Не важно.
И хорошо бы — в доме на море. Но и дом, и деньги — это опция.
Главное — писать тексты.
Вот это и значит для меня — быть собой.
Пояснение.
В моей жизни было детство. В этом детстве я писал стихи.
Я не думал о заработках, о карьере, о семье. Я просто жил и писал стихи.
Я ходил в поэтическую студию.
Каждую пятницу я шел во Дворец Пионэров на улице Фадеева.
Там в 17:00 собирались дети.
И читали свои стихи друг другу.
Но главное — руководительнице этой студии Ольге Ивановне Татариновой. Этому человеку я всегда был, есть и буду благодарен.
Она любила того меня — именно того.
Не будущее во мне она любила и ценила, но настоящее.
Настоящее во всех смыслах.
Она ценила того меня так, как не ценил я сам.
Того, кого я, окончив школу и войдя в большой мир, спрятал где-то далеко.
Или нет. Так слишком просто.
Этого мальчика я бросил, как бросают собаку.
Просто вывез куда-то, высадил из машины и уехал.
А он смотрел, как я уезжаю. Почти не сопротивлялся.
А я рос.
Бросил писать.
Получил образование.
Знакомился с людьми.
Становился филологом, потом — театральным режиссером.
Зарабатывал.
Снова знакомился с людьми.
Жизненный капитал копил.
А сейчас я хочу все вернуть взад.
Я мечтаю все вернуть.
Не поймите вульгарно.
Не счастье детства, нет.
Не Пицунду, где отдыхали мы с родителями.
Не подмосковное Болшево.
Себя.
Кстати, о Болшеве. Оно снится. Часто.
Дом творчества кинематографистов, куда возили меня родители на зимние каникулы.
Там сейчас бог знает что… А тогда там было счастье.
Там зимой были финские сани и катались с горы.
И был запах свежих сладких булочек ближе к пяти — на чаепитие.
Да, и Сам Чай — в стаканах с подстаканниками.
Индийский — представлялось.
И представлялась Индия. И кино по вечерам.
И еще были лыжные походы.
И огромные деревянные шахматы и шашки. Хочется вешаться.
Не как пальто. По-другому.
Не будет ни того тела, на которое натягивал чулки, чтобы не мерзнуть.
Ни той темноты ночного леса. Ни той простуды.
Ни жидкой ели, обернутой гирляндой из лампочек, мигающих безмолвно.
Хочется плакать. И не получается.
Я знал, что этим кончится, и нечего лукавить.
По крайней мере, теоретически — жить еще долго.
А то, что сниться будет Болшево до конца, — надо терпеть.
Может быть, в этом и есть главное что-то…
Может. Но я все равно мечтаю.
Я мечтаю вернуться туда, чтобы вернуть себя.
Того, который боялся людей. Стеснялся. Стыдился. Робел.
Того, кто думал о Вселенной и читал книги.
Того, кто не умел общаться и манипулировать.
Того, кто не знал. Чего? Не знаю. Просто. Не знал.
Для кого вся жизнь и весь мир сосредотачивались в листе тетрадном.
В словах, выводимых на нем.
Кто, идя по улицам, в гости, в школу, не думал о проходящих бабах, а складывал слова в строчки…
И в этом чувствовал радость, и смысл, и наслаждение.
Я был я.

Вдруг страшно хочется чего-то.
И пока не съешь — нет покоя.
Иногда хочется съесть шмотку, иногда
гаджет, иногда машину, иногда человека.

И вдруг я взял и оставил себя там, далеко позади, на обочине.
Зачем? Почему?
Ответа нет. Теряется во мраке прошлого. И не важно теперь.
Важно, что теперь это не Я. Это Он.
Я бросил его. Так точнее.
Я бросил его. А сам пошел-поехал-побежал-поспешил вперед.
И не оглядывался.
И вот иду по жизни — уверенный, веселый.
А он смотрит на меня. Оттуда. Глазами.
Смотрит на то, чем я стал.
И не думаю, что радуется.
Или нет. Радуется.
Что я жив. Что любим. Что здоров. Что родители со мной.
Но.
Мне тяжело смотреть ему в глаза.
— Он был моложе?
— Ерунда.
— Он был умнее?
— Нет.
— Честнее?
— Да. Наверняка.
— Талантливее?
— Уверен.
— Порядочнее?
— Он был искренен.
Ну, вот и все.
Я сказал то, что, пожалуй, никому никогда не говорил.
И себе самому не признавался.
Кто-то скажет: это не мечта, это тоска.
Нет, это мечта.
И я верю, что смогу ее искупить. Именно так. Искупить.
Кто-то скажет: это жизнь.
Я знаю. Я знаю, что это жизнь и происходящее неизбежно.
И краткость — она и в жизни сестра таланта.
В смысле продолжительности оной.
А если живешь, и живешь, и живешь, то неизбежно теряешь, теряешь, теряешь… Близких, далеких, время, чувства, но главное — себя.
— Мама, как ты поживаешь?
— Так как-то.
— Хорошо выглядишь.
— Потому что я умерла рано.
— Зачем? Зачем ты ушла так рано? Я так тосковал.
— Потому что я женщина. Потому что я не хочу стареть. Потому я спряталась.
— Спряталась? Ты просто спряталась?
— Конечно. Но спряталась так, чтобы никто и никогда меня не нашел! Ты играл в прятки?
— Да.
— Тогда ты знаешь, что такое смерть.
— Что?
— Смерть — это спрятаться так, чтобы тебя никогда не нашли. Хочешь попробовать?
— Да.
— Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать. Кто не спрятался — я не виновата.
— Мне одиноко, мама.
— Ты не счастлив?
— Нет.
— Почему?
— Я не знаю, зачем я живу.
— Как же ты постарел. Ты очень постарел.
— Потому что я живу, мама…
Все.
Нет, не все.
Ведь кто-то мечтает о смерти.
Не кокетливо. А взаправду.
Не «чтобы пожалели».
Кто-то на самом деле искренне мечтает о смерти.
Может, от боли.
Может, от чего-то еще.
Кто-то искренне мечтает о смерти.
Но этот человек, наверное, никогда не напишет ни слова о своей мечте.
Потому что слово — жизнь.
Оно было в начале.
А смерть — это смерть.
Она в конце.
Она даже после точки.
Эту мечту не надо описывать.
Ее воплощают.
Она возвращает тебе себя.

итар-тасс

Я начинаю действовать

Фигурист Евгений Плющенко решил сделать пятерной прыжок: никто из фигуристов до него не участвовал в пяти Олимпиадах подряд. И кроме этого у него есть еще одна мечта, в осуществлении которой он уверен так же, как спортивной. И вот это действительно мечта всей жизни. И ведь осуществит!

текст: евгений плющенко рисунок: инга аксенова

В АПРЕЛЬСКОМ НОМЕРЕ «Русского пионера», посвященном теме риска, я рассказал, через что мне пришлось пройти на зимней Олимпиаде в Сочи. Месяцы реабилитации позволили сейчас забыть об этой травме и двигаться вперед. Я тренируюсь каждый день, а после участия в нескольких турах в Японии и Китае я понял, что готов к большому проекту — это ледовое шоу, сказка для всей семьи «Снежный король».

После того как ты сделал в спорте то, чего никто не делал до тебя, невольно задаешься вопросом: а что дальше? Открою секрет — цель поставлена. И это не только новые проекты, шоу а-ля «Цирк дю Солей», гастроли, турне... Я пропущу этот и следующий соревновательный год, но есть планы, а если хотите, мечта — выступить на своей пятой Олимпиаде. Сейчас это категория даже не мечты, а, скорее, фантастики, но и перед третьей Олимпиадой мое выступление казалось невозможным, однако я сделал все, что мог. А после сложнейшей операции на позвоночнике я все-таки выступил на командных соревнованиях на Олимпиаде в Сочи и принес сборной золотую медаль. Это ведь тоже из области фантастики, так что я не боюсь мечтать и продолжаю тренироваться. Где-то в подсознании я уже пребываю на Олимпиаде в Корее или, по крайней мере, на отборочном этапе. Мне было бы безумно интересно, но при этом и безумно сложно пройти отборочный этап, но если не будет мешать спина, то почему бы не поставить новый рекорд?

По крайней мере, я знаю, что на пяти Олимпиадах никто не выступал в мужском одиночном катании. Однако, конечно, задача не просто выступить: если я поеду, я буду рассчитывать только на хороший результат. Но чтобы вернуться в спорт, мне нужно делать новые четверные прыжки, а это где-то, может быть, и безумие. Но мечтать не вредно, вредно не мечтать. Тренировки идут полным ходом, каждый мой выход на лед приближает меня к моей цели. Буквально месяц назад я сделал четверной прыжок, выступая в Китае. Это был мой первый четверной прыжок после повторной операции на спине. Я сделал аксель в три с половиной оборота и все тройные прыжки.

Наверно, я часто в жизни использую слово «мечта», но для меня мечта — это прежде всего цель, план действий. Возможно, поэтому все, о чем я мечтал в детстве, у меня сбылось. Я не просто мечтаю, я начинаю действовать.

Мои мечты связаны не только со спортом, как могло бы показаться. Когда я встретил свою супругу Яну, я хотел, чтобы у нас родился сын. То есть тоже, получается, мечтал. И у нас родился сынуля. Всегда хотел такую прекрасную жену, и опять сбылось. Слава богу, у меня есть моя семья, но я опять мечтаю — на этот раз о том, чтобы у нас с Яной появилась девочка.

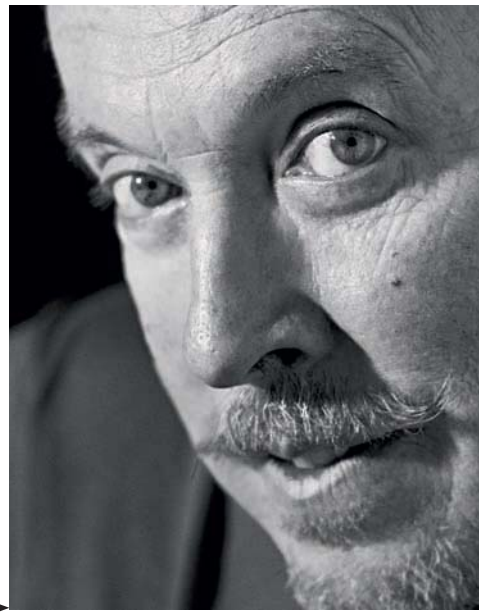
Пятая Олимпиада и дочка — вот мой план-мечта на сегодняшний день, а после Кореи мы уже остановимся и будем думать, что делать дальше. Мечтаю создать свою школу фигурного катания, иметь собственный каток, где можно творить, растить новых спортсменов.

Не буду скрывать, я с трудом перенес поток критики, который обрушился на меня после Олимпиады. Было два лагеря людей — пятьдесят на пятьдесят: кто-то отнесся с пониманием, кто-то критиковал, в том числе известные люди, но когда все узнали, что была произведена повтор-

ная операция и вытащили шуруп, который сломался в позвоночнике, конечно, пыл и жар поубавился. Но и на сегодняшний день, наверно, эта история до конца не закончилась. Был всплеск негатива, особенно в Твиттере и Интернете. Это была кампания, проплаченная одним, а может быть, и несколькими моими соперниками, которые понимали, что, закончив спортивную карьеру, я начну заниматься шоу-бизнесом: делать различные шоу, мероприятия, сказки — хорошего качества, с большими бюджетами, сильными трюками и со сложными элементами фигурного катания. Сейчас я даже знаю, кто все это заказал. Конечно, от некоторых людей мне было неприятно и больно слышать упреки, но я теперь знаю, как с ними общаться и общаться ли вообще. Многие тогда произносили очень громкие и некрасивые фразы. Но для меня было важным, когда Владимир Владимирович Путин сказал: «Все нормально, восстанавливайся, ты сделал очень много» — и когда меня поддержали самые близкие: мои родители, жена и дети. Но никогда, конечно, я не ожидал, что в одночасье можно превратиться из любимого народом спортсмена, который хочет завоевать для страны медаль, в объект критики. Ведь первые соревнования в Сочи я откатал и принес золотую медаль, но на вторых, когда на шестиминутной разминке в спине сломался шуруп, я не мог продолжать. И я не могу понять людей, которые говорят: «Ну надо было все равно кататься: падать, садиться в инвалидную коляску, но все равно делать». Я часто испытывал боль на тренировках и перенес много операций, но то, что произошло у меня на разминке во время соревнований в Сочи, было несовместимо с дальнейшим выступлением. Если бы я продолжил, то меня унесли бы из ледового дворца на носилках, и тогда я бы, наверно, и жил по-другому, и мечтал совершенно о другом.

То, что я сейчас делаю, наверно, уже является шоком для моих конкурентов. А если я выступлю на пятой Олимпиаде, я даже не могу представить их лица. При этом я никогда не хотел кому-то что-то доказать. Я всегда доказывал и доказываю только себе. Но сейчас — да, наверно, я хочу доказать и тем людям, которые кричали, вопили и брызгали слюной. Однако еще не время. Нужно полностью восстановиться, чтобы готовить новые элементы и четверные прыжки.

orlova

Субъекты мечтаний

Музыкант Андрей Макаревич мечтал о самокате, ковбойских револьверах, битловских пластинках. И все получил. Читатели нашего журнала могут убедиться в том, что и в самом деле есть люди, у которых сбываются все их мечты. И даже боязно немного: о чем сейчас мечтает Андрей Макаревич? Ведь сбудется же.

текст: андрей макаревич рисунок: мария арендт

ВООБЩЕ, я совершенно не мечтательный человек. И вопрос журналистки: «Скажите, о чем вы мечтаете?» — вызывает у меня приступ легкого бешенства. Я не мечтаю, ангел мой, — я строю планы. Осуществимые. И потом занимаюсь их осуществлением. Вот когда потеряю всякую способность что-либо делать — тогда лягу на диван и стану мечтать. В самом призыве помечтать есть что-то провинциально-девичье, правда? Ну ей-богу, не мужское занятие.

Но это у меня так сейчас. Интересно, сколько уже лет — двадцать, тридцать? А раньше? А совсем давно? Так-таки никогда ни о чем не мечтал? Да нет, мечтал, конечно. Роюсь в памяти, пытаюсь вызвать картинки детства. Что там такое было?

Ну, естественно, первыми объектами мечтаний были разные вожделенные предметы — то, что у кого-то есть, а у тебя нет. Скажем, самодельный самокат: две дощечки, соединенные дверной петлей, два подшипника вместо колес, планочка поперек — руль. Как же он восхитительно гремит, когда несется под уклон по неверному асфальту! Такие самокаты у пацанов в каждом дворе. В нашем дворе счастливый обладатель один, он добрый малый и дает всем покататься, за самокатом выстраивается очередь, я — самый маленький и всегда оказываюсь в конце.

Я хочу самокат до боли в сжатых кулачках. Свой. Чтобы не унижаться и не выстаивать эту ежедневную бесконечную очередь. Я извел отца, и он сделал мне самокат. Счастье было ослепительным, но, как ни странно, недолгим: я довольно быстро накатался всласть, удовольствие от очереди, которая теперь уже стояла ко мне, оказалось не таким уж и удовольствием. Я даже не помню, куда этот самокат в конце концов делся — кажется, я его кому-то подарил или сменял на свинчатку.

Потом — уже позже — были ковбойские револьверы: кольт, смит-вессон. Не могу сейчас понять, откуда взялось такое помешательство — фильм «Деловые люди» появился, кажется, чуть позже. Ах, ну конечно — «Великолепная семерка»! Детям туда было нельзя, но мама надела широкий сарафан, и, проходя мимо контролера, я залез под него — под сарафан, разумеется, — даже нагибаться не пришлось. Револьверы замаячили в воздухе еще до их появления на экране — в музыке, в особом оранжево-коричневом тоне картинки на экране — она была цвета прерий. Это выглядело очень непохоже на серо-зеленоватый цвет советского кино, снятого на пленке «Свема» Шосткинского завода. Первый кольт, кстати, появился в кадре практически сразу после титров. Отец ехал в командировку, и я тщательно рисовал ему, как должен выглядеть настоящий ковбойский револьвер — чтобы барабан крутился и чтобы на рукоятке обязательно была оттиснута голова лошади или индейца (откуда я все это знал?). Через месяц отец возвращался, я, дрожа от нетерпения, нырял в чемодан, откапывал там сверкающее чудо, в восторге носился с ним по квартире, палил во все и вся, безуспешно пытался крутить на пальце. Ковбойское умопомрачение длилось года три — сколько мне отец перевозил этих игрушек? Где они теперь?

А потом все мое внутреннее пространство в одночасье заняли Битлы, и объекты мечтаний резко сменились: теперь это были электрогитары, струны, усилители и динамики. Когда я сейчас понимаю, что отец все свои суточные (то есть всю валюту, которая у него была в поездке) тратил на мои рок-н-ролльные прихоти — а ведь еще были мама, младшая сестра, родственники, — я не знаю, как описать то, что я чувствую. Себе отец тоже ничего не покупал, а кормился консервами из чемодана

и заваривал чай с помощью кипятильничка, как, впрочем, и все советские командированные. Хотите обратно в совок? Ничего, уже скоро.
Удивительно, что при всем религиозном фанатизме в отношении битловских пластинок я так ни разу и не попросил привезти хоть одну: то, с помощью чего извлекают звуки, было важнее.
Однако все это были мечты, скажем так, сбыточные. Параллельно сознание мое рисовало совершенно нереальные картины: вот мы с Жак-Ивом Кусто надели серебряные гидрокостюмы и готовимся к погружению в Красное море — под нами в синей глубине носятся сотни акул. Кусто дает мне последние наставления и смотрит на меня одобрительно, по-отечески. Или вот я в компании полковника Перси Фосетта и двух его сыновей продираюсь сквозь лианы дождевого леса Амазонии: мы сбились с маршрута, уже пятый день экономим провиант — по одной сардине и куску сахара на брата в сутки, а по нашему следу, кажется, идут индейцы. Нас нещадно кусают москиты, и колючки впиваются в нашу одежду.
Еще было невероятно сладостно представлять себя одним из Битлов — Джорджем Харрисоном. Именно им, потому что барабанщиком я себя не видел, следовательно, Ринго отпадал, а с Ленноном и Маккартни хотелось пообщаться в равной степени. Может быть, что-нибудь сочинить вместе. Побыть немножко младшим товарищем. Хотя бы один день.
И знаете, что интересно: ведь практически все сбылось. Почти. И я плавал в обнимку с акулами, правда, что поделаешь — без Кусто, и ходил по джунглям Амазонки — увы, без полковника Фосетта, и записывался на Эбби Роуд, в той самой битловской студии — правда, уже без Битлов. Я, наверно, очень счастливый человек.
И я уже давно не мечтаю. Я строю планы. И у меня их множество. Впрочем, нет — мечтаю, конечно. О том, чтобы все мои планы однажды осуществились.
Ну, хотя бы большая часть.

из личного архива

Взмечтательность

Поэт Вера Полозкова не просто пишет стихи в прозе для «РП». Она пишет то, что думает, причем именно в тот момент, когда пишет. То есть в своих колонках она добирается до чего-то очень важного для себя. У читателей «РП» есть такая же возможность, причем у них нет необходимости выкладываться (а вернее, выкладывать всю себя — на страницы журнала) так же, как это делает Вера Полозкова.

текст: вера полозкова

«МНЕ ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ, Иван, — писала я как-то на пятом курсе своему преподавателю по теории коммуникации, — через полгода я заканчиваю факультет журналистики МГУ, кафедру художественной культуры, и моя подруга Чуковская утверждает, что я человек неограниченных возможностей; я не бездарь, в русском сегменте Живого Журнала у меня около полутора тысяч постоянных читателей, и некоторые уважаемые люди прочат мне весьма даже будущность; я собираю книгу стихов к весне, уже не совсем первую; в качестве летних практик мне засчитывали рецензии в “Книжном обозрении” и “Афише”, эссе в “Искре-Spark”; я поработала в искусствоведческой программе на телевидении, попубликовалась немножко в хороших женских журналах; на прошлой неделе мы с одногруппницами отпраздновали наш последний звонок, окончание всех семинаров и лекций, и это означает, что теперь я могу позволить себе любой полноценный, серьезный фуллтайм — однако, Иван, я решительно не имею понятия, кем хочу стать и что именно мне нужно делать по жизни.

Я не вижу себя в глянце, самозабвение точеных редакторш в баночках, тряпочках и ста пятидесяти трех мужских постельных комплексах совершенно недоступно мне, смертной; я никоим образом не репортер, не новостник, не правдоруб, не правовед, не экономист, не охотник до желтизны, до крови, до политики, до светских сплетен; я, вероятнее всего, спокойный художественный критик, книжки, фильмы, спектакли, музыка — я чувствую нюансы и хорошо пишу, но не эксперт, не эрудит, не блестящий знаток какой-то конкретной из этих областей, поэтому в журнале мечты я еще года три была бы девочкой на подхвате, а в других местах втрое скучнее и почти ничего не платят».

«Я чувствую себя мошенницей», — писала я через полгода.

«Все как-то рьяно мечтают, а тебе уже, в общем, не о чем. Все грезят о чем-то большем, недостижимом, вожделенном, а ты как-то довольно быстро понял всему цену, везде был, на всех посмотрел, и все это больше не составляет для тебя никакой новизны и тайны — ни шоу-бизнес, ни Рублевка, ни литературные кулуары, ни прославленные редакции. Ни из-под какой двери больше не льется загадочного сияния. Ты уяснил для себя основные принципы, механизмы, методы, ты можешь в любой момент пойти куда хочешь, тебя везде возьмут — вот только ты никуда не хочешь и ничего как-то, в общем, не ждешь.

Ты знаешь, на что ты можешь рассчитывать, ты можешь сейчас, для разнообразия, написать диплом, съездить поучиться за границу, издать книжку, одну, другую. Изменятся только качественные и количественные характеристики: больше бабла, отточеннее стиль, свободнее жанровые границы. Начнется ленивое почивание на лаврах; долгие, преснеющие, изнурительные самоповторы.

В школу в шесть, в экстернат в четырнадцать, в университет в пятнадцать, быстрей-быстрей, и жить торопится, и чувствовать спешит, а в результате в двадцать, когда все ждут от тебя ну совсем взрослых свершений и подвигов, ты разворачиваешься на сто восемьдесят и идешь бухать, кутить и веселиться, потому что, во-первых, впахивать тебе откровенно не хочется, а во-вторых, если все сделать сейчас, можно спокойно помирать в двадцать пять — абсолютно состоявшимся человеком.

А что тебе делать, когда ты греб-греб до Эльдорадо что было сил, приграб — даже нет: мечтал-мечтал, а тут оно все на тебя последовательно свалилось, — ты осмотрелся, покивал, мол, да, действительно, молочные

реки, кисельные берега, сапфиры и рубины можно горстями пихать в карманы, королевская династия жмет тебе руки; но в целом все так же, как и везде, в два дня приедается, делается скучно и приторно; а это ведь было все, чему ты не позволял проглядываться даже в самых смелых фантазиях».

Я читаю это теперь с большим умилением: в двадцать лет «мечта» окончательно исчерпала себя как идея первенства в любом из социальных соревнований («Карьера», «Образование», «Признание в профессиональном сообществе», «Кто твои друзья»), и это было, конечно, разочарование и крах. Это что, все? Так просто, что ли? Я всерьез мечтала поступить в МГУ — ушла в экстернат и окончила два класса за год, чтобы поскорей. Я грезила поработать в нескольких особенно культовых тогда изданиях. У меня были кумиры, теперь я знала лично многих из них. Все получилось. Все стоило втрое меньших усилий, чем грозилось. Ничто не принесло и тени умиротворения.

Деньги не были для меня хоть сколько-нибудь целью даже в девятнадцать, когда их не было вообще. Машины у меня нет до сих пор: никогда не хотелось. Квартиру я снимаю. «Завести семью» вообще никак не могло быть мечтой мыслящего человека, тогда казалось, это может всякий, для этого не требуется никакой избранности. По-настоящему, жгуче хотелось славы: преимущественно как универсального способа бесконтактно утереть нос всем тем, кто в меня так обидно не верил в юности. Жаль, никто не предупредил меня, что у этого лекарства от собственной ничтожности такое количество побочных эффектов.

Теперь, когда пережиты и мучительное подростковое тщеславие, и жажда отыграться, и приступы ревности к каждому, кто в чем-то величина, если мне и доводится мечтать, то только о небольшом, персональном бессмертии. Бессмертия нашему брату выдают ровно двух видов: великие книги и любимые дети. Оба — плоды кропотливого, самоотверженного, подробного труда. В обоих поровну Бога и тебя, волшебства и повседневного усердия: ты только проводник и книгам, и детям, никакой, конечно, не хозяин, не директор, но только от твоей чистоты, дисциплины и мудрости зависит, насколько чисто ты обрабатываешь и передаешь Господни сигналы. Насколько мало создаешь им в пути помех.

«Поэтому, — пишу я теперь, восемь лет спустя, в постах для друзей, — я никогда не завидую чужому баблу — ни на какое бабло не купишь любящего отца, ненормальных друзей юности с тем же диагнозом, что и твой, или собственную великую книгу, написанную сравнительно молодым, а все остальное в целом тщета; и никогда — любви и семье, потому что это очень много прежде всего работы над собой (тебя топтали в детстве — а ты растишь целых, непуганых детей, тебе приказывали — а ты договариваешься, тебя предавали — а ты своих не сдаешь), но мучительно завидую творческому бесстрашию и упорству, которого мне досталось очень мало. Я вообще не умею толком последовательно работать, у меня ненасытный внутренний критик, и каждому, кто способен по пять часов ежедневно рисовать, сочинять музыку или расписывать эпизоды, — я завидую, как душный бездарь, до икоты. Я завидую даже законченным графоманам: пока они пишут — а пишут они помногу, — они совершенно счастливы. Мне очень до них далеко. И вообще, единственный навык, который гарантированно приводит к счастью, — это умение пахать без продыху, бурить, пока не хлынет ключевая вода, а она обязательно в какой-то момент прорывается. Я была хваткая, очень легко по верхам запоминала, никогда особенно не корпела над уроками, чтобы хорошо учиться, имела богатое воображение и теперь по всем показателям проигрываю людям, у которых все это время была просто_каменная_задница».

Бессмертия нашему брату выдают ровно двух видов: великие книги и любимые дети. Оба — плоды кропотливого, самоотверженного, подробного труда.

«Ерунда, — пишет мне в комментариях мой друг художник, тоже рассчитывающий на свою небольшую порцию бессмертия, но слишком ленивый даже для того, чтобы подать на него заявку. — Все должно прийти само. Я вот жду, когда найду в лесу целый КамАЗ гениальных картин и выдам их за свои».

А я мечтаю о таблетке, как в фильме Limitless, после которой весь заветный, годами выстраданный текст хлынет с потолка и я за неделю, не вставая из-за стола и на восемь кило похудев, напишу книгу, о которой мечтаю. И сразу, конечно, детокс и отпуск, ни-ни. И только через полгода — еще разок.

«А что ты делаешь для сбычи мечт? Я вот в надежде на КамАЗ каждый день гуляю по лесу».

Каждый раз, когда ресница падает, часы и минуты на электронных часах совпадают или экскурсовод указывает место, где загадывают желания, я говорю «Написать пьесу» или «Написать сказку», а потом сижу и долго жду когда. Это было бы даже смешно, если б не было такой идиотской правдой.

О, мы люди, для которых изобрели поговорку: «Есть мечта — беги к ней. Не можешь бежать — иди к ней. Не можешь идти — ползи к ней. Не можешь ползти — ляг и лежи в сторону мечты». Мы производим тысячи движений в десятках направлений и кажемся себе и прочим невероятно деятельными людьми, но правда в том, что все это время мы лежим с травинкой в зубах, щурясь на облака, строго в направлении мечты, изредка перебрасываясь краткими остротами. Когда мы были очень юны, мы мечтали с такой страстью и яростью, что, когда все — в несколько лет — сбылось, мы не знали, куда нам укрыться от наших осуществившихся желаний. Теперь мы никуда не торопимся. Мы смакуем. Мы вспоминаем, как мы это славно умели в детстве — предвкушать. В мире, где люди этому совсем разучились — возьмите кредит, не откладывайте, повышайте эффективность, покоряйте, рвитесь на британский флаг, здесь и сейчас, вы этого достойны, — мы только праздные созерцатели, певцы прокрастинации, математические погрешности, вечные неоправдыватели больших надежд. Потому что мечта — это процесс, конечно, никакой не результат. Результат длится сорок секунд осознания, что процесс завершен, далее следуют месяцы пустоты и поиска новых целей. Мы не спешим. Мы сочиняем оскаровские, букеровские и нобелевские речи. Мы успеем. *рп*

orlova

Брус и «Беларусь»

Здесь и сейчас происходит возрождение легендарной рубрики «РП» «Сбор металлолома»: изначально задумывалось, что Екатерина Истомина будет под этой рубрикой рецензировать автомобили, да и вообще разнообразные движущиеся устройства из металла. Много было металлолома в рубрике, но такого, как сегодня в колонке, — никогда.

текст: екатерина истомина рисунок: мария сумнина

МАШИНОЙ моей пронзительной мечты долгие, бесцельно прожитые годы владел мой сосед по даче, бывший майор Советской армии Виктор Борисов. Майор Борисов был мужичонкой ольховых форм — серых, кряжистых, досадных и беспалых. Нескольких пальцев правой руки у Борисова и правда не хватало. Такую нелегкую ситуацию с отсутствием собственных пальцев Борисов всякий раз объяснял по-разному — в зависимости от душевного построения. Но пальцы Борисов всегда терял на войне (пусть и в тылу). То он отморозил, ночуя на новом танке, то сгрызла приграничная собака, то отщемил военным парашютом: майор Борисов, пенсионер значения Солнечногорского района, служил во всех жизненных войсках. Но кукиш беспалой рукой Борисов сворачивал быстро, всем на загляденье. Кукиш был нужен, ведь главным пользователем кукиша была жена Валентина Петровна Борисова, в девичестве просто Синякина. Пока сам Борисов был жив (а он помер несколько лет назад), Валентина Петровна, бывшая медицинская повариха Синякина, держалась в дачном поселке как жена главного генерала, а после скоропостижной кончины беспалого майора сникла, совершенно отошла от дел и докатилась до внуков.

У майора Борисова был припасен в его беспокойном хозяйстве трактор. Нет, конечно же, этот был вовсе не какой-то там зеленый грязный трактор комбината «Беларусь», а это был весь сливочно-белый нежный лохматый конь самого маршала Георгия Жукова. Это был настоящий сказочный небесный конь Гарун, ослепительный, объемный и неземной — весь в синих толстых звездах на золотом венецианском фоне. Так Борисов любил этот единственный трактор, что, постучись в ворота вдруг война, не променял бы его и на военную родину, и на Валентину Петровну.

Трактор «Беларусь» Борисов элегантно, но и надежно парковал прямо рядом с резным крыльцом своего деревянного загородного дворца, отягощенного мутной баней и простонародной оранжереей с пересохшим дайконом «Султан». Можно было предположить, что Борисов парковал бы трактор рядом с печкой, на которой он имел осознанную необходимость отдыхать. В редкие часы беспросветного отдыха Борисов выводил трактор под уздцы и яростно гарцевал на нем по опушке, пугая хвостатых сорок и молчаливые мухоморы. Сосед Борисова, Григорий Пащенко, героический охранник заправки «Лукойл, 65 километр», мужчина с девственным мозгом, сам выходил на сражение с этой механической катавасией. Григорий Пащенко воинственно, словно американский индеец, украшал себя бело-красной канистрой, благополучно украденной на капиталистической заправке, и кричал на Борисова с трактором истошно, по-бабьи. Конечно, Пащенко банальным естественным образом завидовал Борисову, как завидовали ему все остальные обитатели поселка.

Лучше — война, лучше — душманы, пусть ядерный взрыв и Кобзон наверху. Но чтобы отдать коня, кровинушку — тому ли учили деды? Из уст потрясенного Борисова наружу рвалось стихотворение Лермонтова «Бородино», но рвалось оно безмолвно, Борисов давно забыл его.

Беспалый майор Борисов был воспитан в темных лабиринтах Советской армии, поэтому он не искушал себя вопросами лишней честности. Однажды, пока уставший от тревог и канистры Пащенко трактор кротко щипал траву на берегу романтического болотца, Борисов совершил подвиг. Он смело зашел на участок автора этих справедливых подмосковных строк и украл мой сухой костромской брус. Брус был сложен аккуратными рядками в районе старого яблоневого сада и предназначался для возведения чайной беседки в японском стиле. Борисов никогда не был в Японии и даже на брутальном Халхин-Голе, но зато он знал многое о Костроме — например, что там произрастает лучший сухой брус! Возможно, что об этом когда-то сообщали в программе «Время», непосредственно перед прогнозом погоды, а Борисов взял да и запомнил.

Майор ловко перетащил брус к себе и за считанные армейские часы совершил второй подвиг Геракла. Он возвел парадное крыльцо. Такое высокое, красивое, без морщинки, красное крыльцо, которое только и говорило всем: Борисов живет не на бесплодной помойке, выделенной ему и бывшей Синякиной очумевшим от горя соседним совхозом, а во дворце, в таких белокаменных деревянных палатах, куда даже сам губернатор Илья Муромец по регламенту обязан будет скрестись, как самая последняя мышь.

Новому крыльцу Борисова все немедленно бросились завидовать. И Григорий Пащенко, конечно, свирепо завидовал в самых первых фронтовых рядах, угрожая убить крысиным ядом и Борисова, и бывшую Синякину, и трактор «Беларусь», и само крыльцо.

Мне же пришлось поехать в ОВД Солнечногорского района: там откровенно дежурил участковый милиционер Иван Папахин, которого страна при вступлении в должность торжественно наградила пустым графином, стаканом и уазиком.

«Вызывайте, товарищ комиссар, Виктора Борисова на допрос. Факт злостной кражи моего сухого костромского бруса с моего участка налицо», — обратилась я с административным воззванием к участковому Папахину, изучавшему серию кроссвордов «Топка». С собой у меня была бутылка ирландского виски, которой я надеялась приманить Папахина поближе к месту происшествия. Но Папахин оказался не дурак. Во-первых, он зачем-то отверг ирландский виски. А во-вторых?.. Он медленно и внимательно протер стакан и отложил кроссворды «Топка» в сторону. Он, использовав уазик, из-за забора изучил место происшествия и вызвал Виктора Борисова на допрос. Иван Папахин был молодым, неопытным сотрудником ОВД, и он был полон неизвестно чего. Может, он хотел работать, а может, к себе домой боялся лишний раз идти.

И Борисов на допрос в ОВД прибыл во всеоружии — на тракторе «Беларусь». Борисов выглядел довольно испуганным: безбрежное русское государство давно уже не обращало на него никакого внимания, а тут вдруг обратило. Значит, что-то случилось. Значит, время пришло. Война, мобилизация, Афганистан, душманы, программа «Время», плачущая бывшая Синякина, непризывной Пащенко в глубоком тылу поджигает канистру, ГЭС и ОБХСС. И кукиш торжественно сжался в длинном кармане майора Борисова.

Поскольку украденный сухой костромской брус был уже завербован при строительстве высокого крыльца, вернуть его назад мне, законной хозяйке, не представлялось возможным. Это понимал Иван Папахин. Это в определенный момент понял и Виктор Борисов, снова сжавший в своем кармане кукиш, но сделавший так уже без всякого ложного пафоса.

И в кабинете участкового Ивана Папахина начался праведный торг.

«Хотел я тебя спалить вместе с домом твоим, да вот опоздал!» — умильно улыбался майор Борисов. «15 суток! И еще наложим штраф!» — гремел графином милиционер Папахин, подсовывая себе под задницу кроссворды «Топка». «Я хочу получить вместо украденного бруса трактор Борисова», — спокойно сказала я.

Борисов страшно, пылко рванулся к двери кабинета. Лучше — война, лучше — душманы, пусть ядерный взрыв и Кобзон наверху. Но чтобы отдать коня, кровинушку — тому ли учили деды? Из уст потрясенного Борисова наружу рвалось стихотворение Лермонтова «Бородино», но рвалось оно безмолвно, Борисов давно забыл его.

Трактор «Беларусь» достался мне, а сам майор через полгода умер скоропостижно от первого инфаркта. Я хотела купить его участок, но вдова Борисова, бывшая медицинская девица Синякина, назначила слишком высокую цену. И в чем-то она была права.